

УДК 902.2

DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-5-21-35

Российско-корейские археологические исследования в Амурской области в начале XXI века

С. П. Нестеров

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Российско-корейские археологические раскопки в начале XXI в. были направлены на изучение двух эпох в западной части Приамурья – неолитической и раннего средневековья. В результате пятилетних исследований раскопаны новые участки изученных во второй половине XX в. эпонимных памятников, давших названия неолитическим культурам – громатухинской и новопетровской, а также поселение Осинное Озеро и Троицкий могильник, которые стали классическими в изучении троицкой группы мохэ. Для приамурской археологии новым памятником переходного периода от талаканской культуры раннего железного века к михайловской культуре раннего средневековья, а также троицкой группы мохэ стал объект на берегу оз. Долгого, начало изучению которого также было положено в ходе международных работ.

Ключевые слова

Амурская область, неолит, раннее средневековье, археологические памятники, российско-корейские экспедиции

Для цитирования

Нестеров С. П. Российско-корейские археологические исследования в Амурской области в начале XXI века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 5: Археология и этнография. С. 21–35. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-5-21-35

Russian-Korean Archaeological Research in the Amur Region in Early 21st Century

S. P. Nesterov

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. At the beginning of the 21st century, Russian-Korean archaeological expeditions studied two Neolithic sites (Novopetrovka-III, Gromatukha), settlements from the Early Iron Age to the Early Middle Ages (Ozero Dolgoe), and Early Medieval objects (Troitsky cemetery, Osinovoe Ozero) in the Amur Region. In addition to the excavations, the staff of the Institute of Archeology and Ethnography, the Jeju-do Culture and Art Foundation and the State Research Institute for Cultural Heritage of the Republic of Korea worked on the materials and published articles and four monographs. The main purpose of the joint work was to compare the materials of the Initial and Early Neolithic in the Western Amur Region and the Republic of Korea, and those of the time of the Mohe-Bohai colonization on this territory during the Early Middle Ages.

Results. It has been established that Novopetrovka III is dated 8610–9240 years ago. On Gromatukha, finds from layer 3 belong to 16260–8010, from layer 2 to 12820–6740, from layer 1, including the dwelling of the Osinozerskaya culture, to 4080–3680 years ago. The earliest stage of settling terraces on the shore of Lake Dolgoe is marked with artifacts of the Novopetrovskaya culture. The Early Iron Age is associated with the Urilskaya culture; the dwellings belong to the Talakanskaya (no. 31) and Mikhailovskaya cultures (No. 32). The funeral inventory from the graves of the Troitsky cemetery, which was excavated in 2007 and belongs to the last quarter of the 8th – first half of the 9th century, was deliberately damaged. Observations on the burned wooden structures in the graves showed that they were burned

immediately after they were placed in the graves, but before the bones and belongings were buried. The peculiarity of the material from dwelling 2 (9th century) at Osinovoe Ozero is the presence of the Troitsky type ceramics, where fragments of easel and pottery utensils had been made on a pottery wheel. A similar combination of ceramic tableware in the dwellings of the Troitskaya group of Mohe was found in the Amur region for the first time.

Conclusion. The international Russian-Korean research in the Amur region has led to the intensification of excavation work. It increased the interest of foreign colleagues to the issues of the settlement and ethnocultural history of the population of Eastern Asia in the Early Neolithic and Early Middle Ages in all the regions including the Amur region.

Keywords

Amur region, the Neolithic, the Early Middle Ages, archaeological sites, Russian-Korean expeditions

For citation

Nesterov S. P. Russian-Korean Archaeological Research in the Amur Region in Early 21st Century. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 21–35. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-5-21-35

Введение

В истории археологических исследований в Амурской области первое десятилетие XXI в. было связано с работами международных экспедиций. С 2003 по 2009 г. их было шесть: одна российско-китайская (2004 г., Троицкий могильник) и пять российско-корейских (рис. 1). Во всех случаях с российской стороны работали сотрудники Института археологии и этнографии СО РАН. Китайские археологи были представлены группой исследователей из Цзиньиньского университета (информацию о Российско-китайской экспедиции см.: [Алкин, Фэн Эньсюэ, 2006]), корейские – из Фонда культуры и искусства Чечжу-до и Государственного исследовательского института культурного наследия Республики Кореи. Основной целью совместных работ была одновременная апробация российской и корейской методик раскопок объектов начального и раннего неолита, раннесредневековых могильников и поселений Западного Приамурья, получение новых данных по структуре комплексов, конструкции жилищ, материалов и их сравнения с артефактами, которые имеют определенные аналогии в синхронных археологических культурах Корейского полуострова. Немаловажное значение имела совместная камеральная обработка результатов полевых исследований, их подготовка к введению в научный оборот и монографическое издание материалов. В связи с этим актуальным является формулирование общих выводов по результатам комплекса данных исследований, что составит научную новизну настоящей публикации.

Работы на поселении Новопетровка III

Первые российско-корейские работы в Амурской области были сосредоточены на неолитических памятниках в рамках совместного проекта «Амур».

В 2003 г. раскопки проводились на поселении Новопетровка III южнее раскопа 1964 г. (о новопетровской культуре см.: [Деревянко, 1970. С. 13–14]). На данной площадке основным культуросодержащим слоем являлся слой 2 – легкий коричневатый суглинок мощностью 30–40 см. В нем зафиксированы артефакты новопетровской культуры: отдельные находки встречались по всей толще, основная же их масса приурочена к его нижней части и границе со слоем 3. В древности в слое 3 были ямы и промывы. Насыщенность заполнения этих ям артефактами новопетровской культуры (сломанные каменные орудия на пластинах, нуклеусы, отходы каменного производства, разбитая керамическая посуда, термически расколотые гальки, мелкие кремнированные косточки, угольки и др.) свидетельствует о том, что во время существования новопетровского поселения все ямы были открыты и использовались для свалки бытовых и производственных отходов. Не исключено, что освоение данного участка террасы началось с верхнего уровня слоя 3, представлявшего собой довольно неровную поверхность.

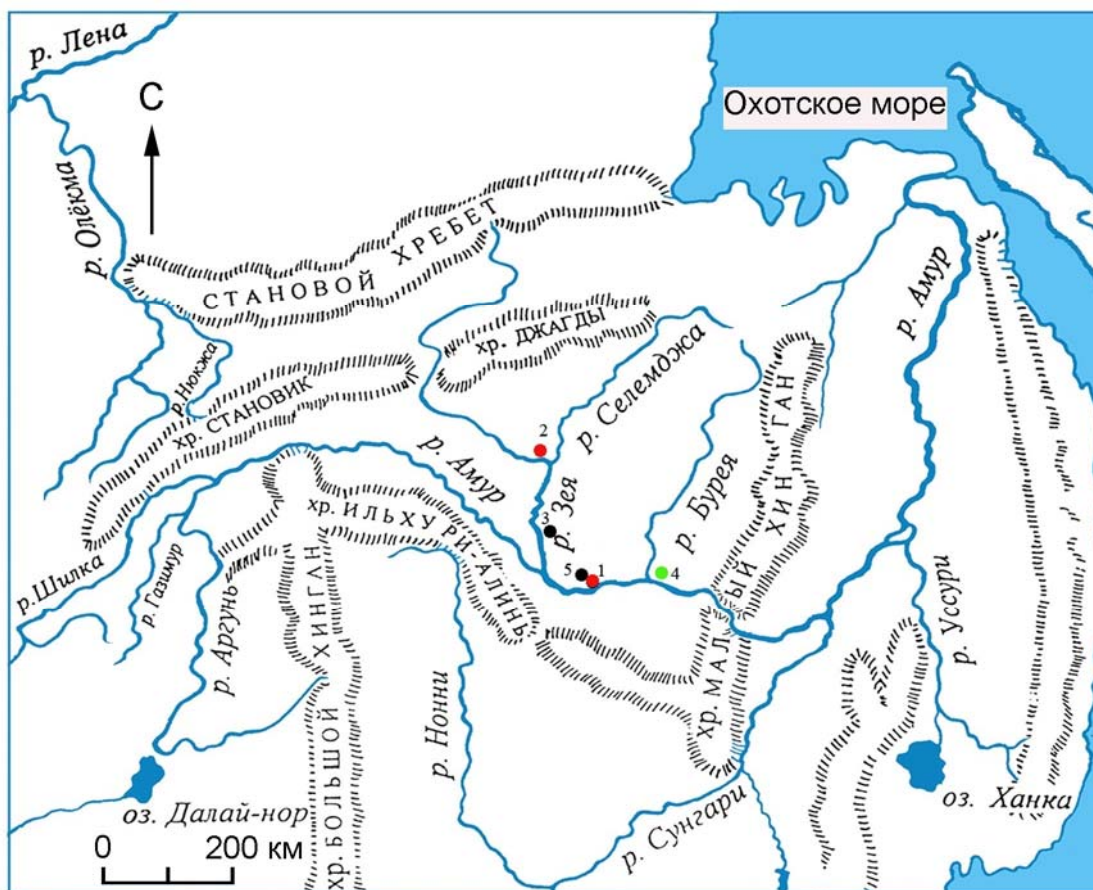

Рис. 1. Карта археологических исследований Российско-Корейской экспедиции в Амурской области: 1 – Новопетровка III, 2 – Громатуха, 3 – Троицкий могильник, 4 – Озеро Долгое, 5 – Осиновое Озеро

Fig. 1. Map of Archaeological Sites Studied by the Russian-Korean Expedition in the Amur region: 1 – Novopetrovka III site, 2 – Gromatukha site, 3 – Troitsk cemetery, 4 – Ozero Dolgoe site, 5 – Osinovoe Ozero settlement

В двух раскопах площадью 434 кв. м жилищ не было. На изученной части террасы встречены призматические нуклеусы для снятия ножевидных пластин, пластины и орудия на пластинах из светло-серого туфа; найдены просверленные изделия (обломок булавы с каннелюрами, заготовка грузила или булавы, обломок небольшой подвески с двумя отверстиями). Орудия на ножевидных пластинах представлены остроконечниками, наконечниками стрел, резцовыми и режущими инструментами, сверлами. Галечное сырье использовалось редко. Шлифованные предметы представлены наконечниками стрел и теслами. Обнаружены плитки (и их обломки) с желобками – оселки для правки лезвий тесел. Необычным для новопетровской культуры с точки зрения сырья выглядит скопление из трех темно-красных халцедоновых галек и расколотого желвака, но готовых изделий из халцедона в слое не обнаружено.

Керамика представлена отдельными фрагментами и археологически целыми плоскодонными ситулообразными сосудами – как гладкостенными, так и с рассеченными валиками под венчиком. Венчики прямые, чуть отогнутые наружу. Орнамент приурочен к устьевой зоне. В отдельных случаях орнаментальная полоса широкая и занимает не менее трети поверхности тулова сосуда. Цвет поверхности черепков темно-коричневый, со слабо выраженной пятнистостью, на изломе черного цвета (рис. 2).

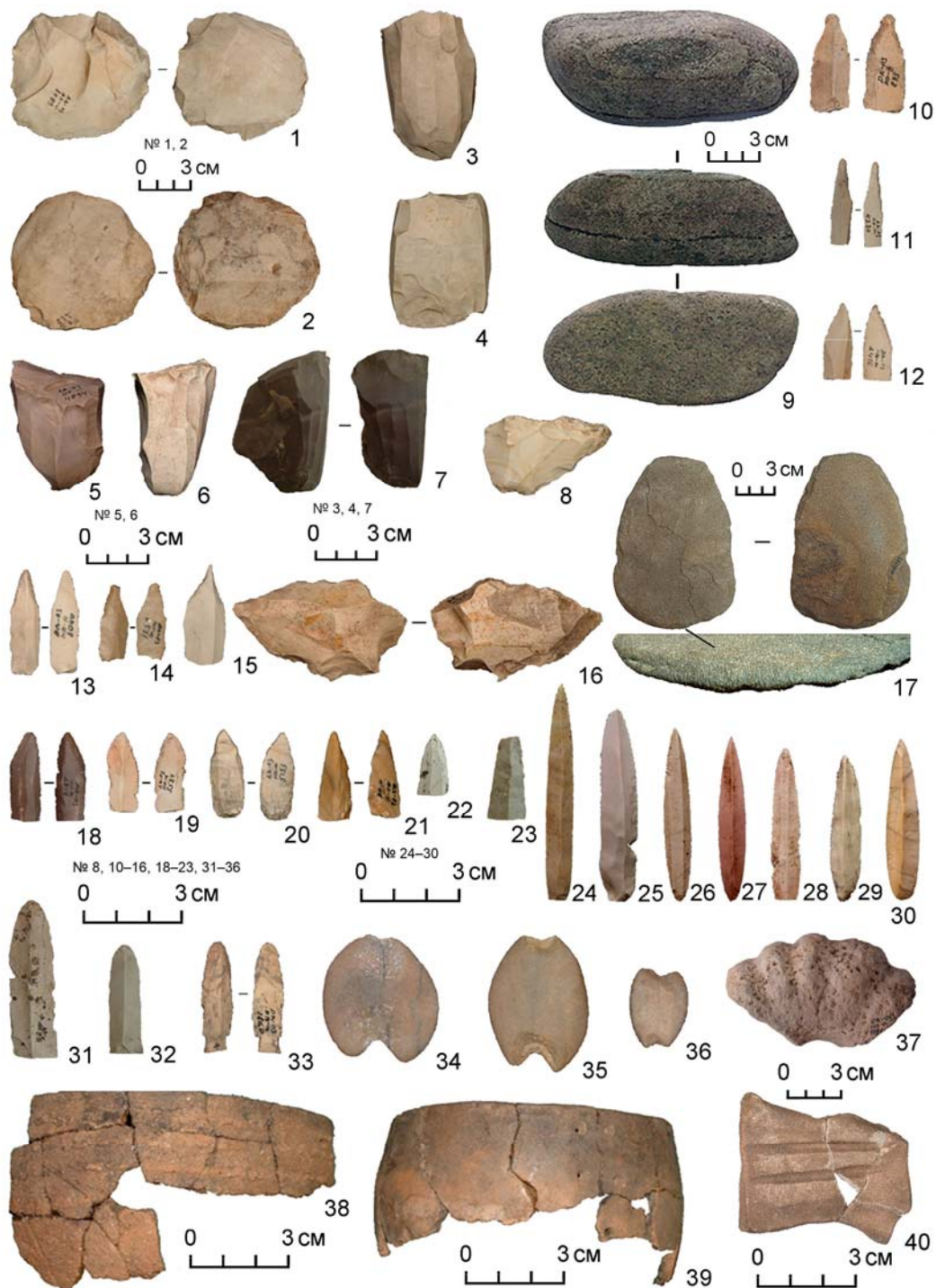

Рис. 2 (фото). Каменные артефакты (1–37, 40) и фрагменты керамических сосудов (38, 39) из слоя 2 памятника Новопетровка III: 1, 2 – скребки; 3–7 – нуклеусы; 8 – «утюжок»; 9–14 – проколки, провертки; 15 – мотыжка; 16–21, 24–33 – наконечники стрел; 22, 23 – режущие инструменты; 34–36 – галечные грузила; 37 – обломок булавы; 40 – абразив

Fig. 2 (photo). Stone Artifacts (1–37, 40) and Fragments of Ceramic Vessels (38, 39) from Layer 2 of Novopetrovka III Site: 1, 2 – scrapers; 3–7 – core; 8 – «iron»; 9–14 – punctures, drills; 15 – small hoe; 16–21, 24–33 – arrowheads; 22, 23 – cutting tools; 34–36 – pebble sinkers; 37 – a piece of mace; 40 – abrasive

По углю из слоя 2 получена дата 8610–9240 л. н. Она оказалась близка дате из пункта Новопетровка IV – 8590–8980 л. н. [Кузьмин, Нестеров, 2010. С. 105].

Работы на памятнике Громатуха

В 2004 г. международные полевые исследования были продолжены на памятнике Громатуха, где новый раскоп (80 кв. м) прирезали к северной части площади, раскопанной в 1965–1966 гг. [Окладников, Деревянко, 1977].

В результате раскопок изучено залегание трех культурных слоев, относящихся к эпохе неолита. Слой 1 представлял собой буро-желтый легкий суглинок. Его мощность на разных участках колеблется от 10 до 40 см. Слой 2 в материалах раскопок 1960-х гг. обозначен как темная гумусированная супесь. На большинстве новых разрезов удалось зафиксировать деление данного слоя на два горизонта (прослой 2.1 и 2.2). На отдельных разрезах между прослоями располагалась тонкая (5–7 мм) песчаная прослойка. Мощность слоя 2 была от 20 до 70 см, в среднем 40–50 см. Слой 3 серой супеси на всех разрезах зафиксирован в виде линз. В тех случаях, когда данный слой отсутствовал, слой 2 лежал непосредственно на дресвянисто-глинистом слое 4, не содержащем археологических артефактов.

Сырьем для подавляющего большинства каменных изделий из слоя 1 служили халцедоны красно-желтых оттенков. Это несколько наконечников стрел, односторонне ретушированные ножи на пластинах и микропластинах, концевые скребки. Керамика представлена значительными фрагментами сосудов, орнаментированных параллельными налепными валиками, соединенными между собой короткими вертикальными и налепными под углом валиками. Найдены остатки берестяной емкости со следами швов в виде отверстий и тонких соединяющих их веревок. Внутри нее находилось большое количество мелких халцедоновых чешуек (рис. 3, 2, 5, 16, 17).

В восточной части раскопа зафиксированы следы наземного жилища осиноозерской культуры. Очаг в нем имел подчетыреугольную форму со скругленными углами. Очажная яма была выкопана на глубину 10–15 см от уровня пола жилища и присыпана чистым аллювиальным песком светло-желтого цвета. На полу жилища обнаружены многочисленные отщепы, встречены нуклеусы, скребки, ножи, вкладыши, наконечники стрел. Керамика представлена фрагментами и целым миниатюрным сосудиком-чашкой, лежащим вверх дном.

Слой с осиноозерским материалом на пос. Громатуха датируется периодом 4080–3410 л. н., жилище – 3680–3410 л. н. [Кузьмин, Нестеров, 2010. С. 105].

В слоях 2 и 3 обнаружено значительное количество громатухинской керамики и каменных артефактов начального неолита. Сырьем для последних служили мелкозернистые плотные кремневые песчаники. Следы расщепления халцедонов крайне редки. В раскопе выявлено несколько скоплений, где рассеивание находок можно считать типичным для рабочих площадок, связанных с первичным расщеплением камня. В слое 3 удалось зафиксировать не только характерную концентрацию каменных артефактов, но также большие камни, служившие, предположительно, сиденьем для работавшего с камнем человека. Здесь проводился полный цикл работ, включавший первичное расщепление камня, вторичную обработку изделий и утилизацию инструментария. Наиболее типичными находками каменных изделий из слоев громатухинской культуры являлись тесловидно-скребловидные орудия (макро-скребки и тесла), концевые скребки, проколки, сверла, бифасиально обработанные листовидные ножи (рис. 3, 3, 4, 6, 7, 9–15, 18–20).

Радиоуглеродная дата нижней части слоя 2 составила 12650–12820 л. н. Для этого же слоя была получена еще одна дата – 6740–7410 л. н. Двадцать две радиоуглеродные даты по углю, нагару на керамике и органической добавке (траве) в керамику из слоя 3 показали хронологический интервал 16260–8010 л. н. [Кузьмин, Нестеров, 2010. С. 104; Деревянко и др., 2017. С. 12].

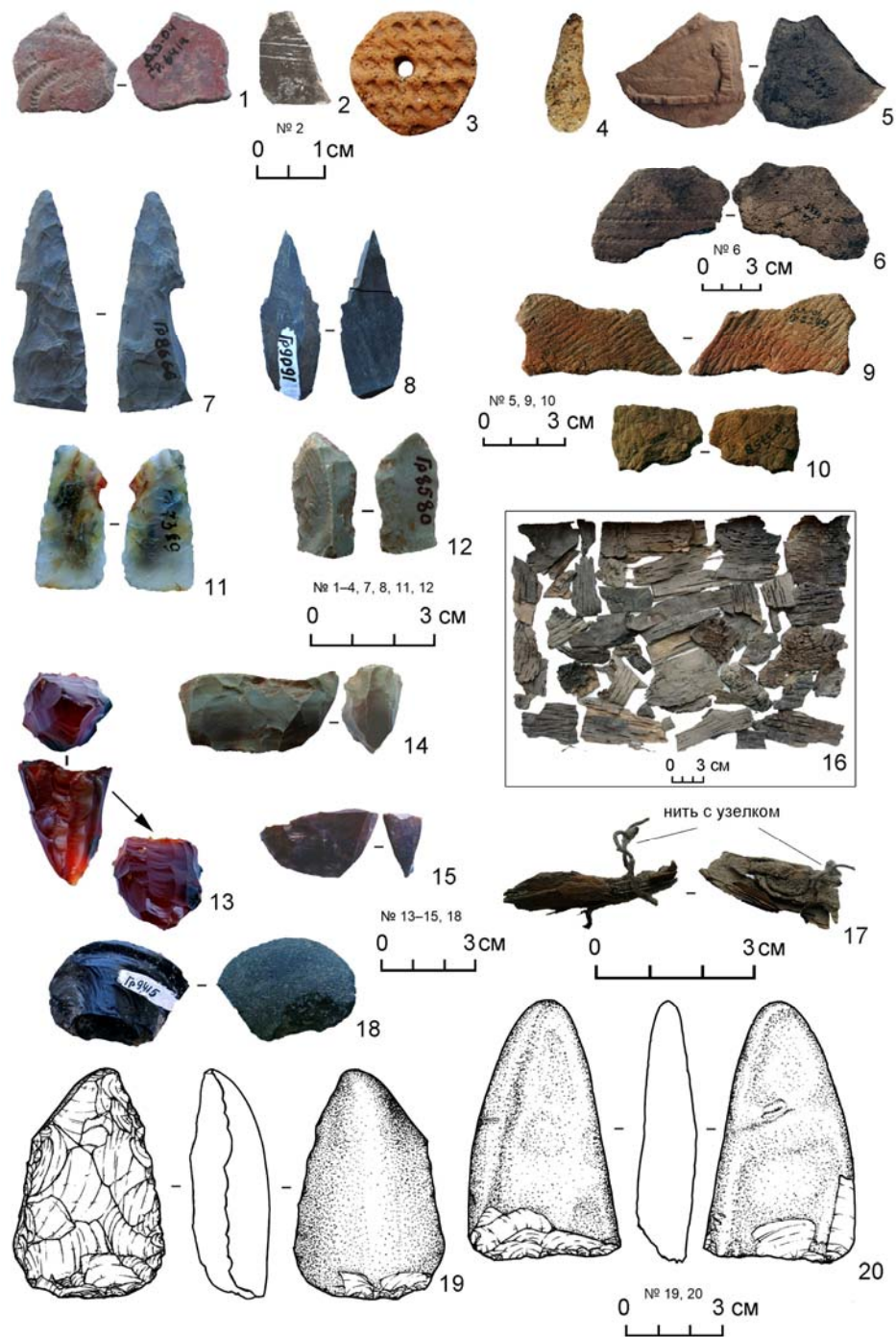

Рис. 3. Керамика (1–6, 9, 10), каменные артефакты (7, 8, 11, 12–15, 18–20) и остатки берестяного изделия (16, 17) с памятника Громатуха: 1 – фрагмент керамики мальшевской культуры Нижнего Амура; 3 – изделие из стенки сосуда; 4 – лопатообразное изделие; 7 – наконечник дротика; 8 – резец; 11 – халцедоновое долото; 12 – скребок; 13–15 – нуклеусы; 18 – обсидиановый скол; 19, 20 – тесловидно-скребловидные орудия (2, 5, 16, 17 – из слоя 1; 3, 4, 6, 7, 10–15, 18–20 – из слоя 2; 9 – из слоя 3) (1–18 – фото)

Fig. 3. Ceramics (1–6, 9, 10), Stone Artifacts (7, 8, 11, 12–15, 18–20) and Remnants of Birch Bark (16, 17) from Gromatukha Site: 1 – pottery fragment of Malyshevskaya culture of the Lower Amur; 3 – product from the vessel wall; 4 – a product in the form of a shovel; 7 – dart point; 8 – cutter; 11 – chalcedony chisel; 12 – scraper; 13–15 – core; 18 – obsidian flake; 19, 20 – adze-scraper tools (2, 5, 16, 17 – from layer 1; 3, 4, 6, 7, 10, 11–15, 18–20 – from layer 2; 9 – from layer 3) (1–18 – photo)

Раскопки на мохэском Троицком могильнике

С 2007 г. основная тематика международных исследований ИАЭТ СО РАН и Государственного исследовательского института культурного наследия Республики Кореи на территории Амурской области была связана с мохэ-бохайской колонизацией Западного Приамурья. Работы проводились на мохэском Троицком могильнике, открытом в 1967 г. А. П. Деревянко. В 1969 – первой половине 1970-х гг. здесь под руководством Е. И. Деревянко [1977] вскрыто 1 650 кв. м площади. Новый этап исследований начался в 2004 г. проведением инструментальной съемки местности, составлением полного плана могильника и новыми раскопками под руководством С. В. Алкина при участии Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области (рук. Н. Н. Зайцев), с участием китайских археологов из Цзилиньского университета. Существенным результатом работ 2004 и 2005 гг. стало вскрытие 352 кв. м раннесредневекового культурного слоя, изучение 56 погребений, а также выявление остатков неолитического слоя на участках между средневековыми могильными ямами [Алкин, Фэн Эньсюэ, 2006].

Общая площадь, вскрытая участниками Российско-корейской экспедиции в 2007 г. на юго-западной оконечности Троицкого могильника, составила 115 кв. м. В результате стратиграфической экспертизы было установлено, что над песчаной основой возвышенности залегал слой желто-коричневой комковатой глины, который не содержал археологических артефактов. Над слоем глины на всех разрезах зафиксирован светло-коричневый суглинок, в котором изредка встречаются разрозненные угольки и красные прокаленные частицы почвы. Судя по уровню расположения находок каменных артефактов осиноозерской культуры, они залегали именно в слое светло-коричневого суглинка. Его мощность в разных местах различная, в среднем 20–25 см, но иногда она могла быть более 30 см. На тех участках разрезов, где отсутствовали следы выкида грунта из могильных ям, слой светло-коричневого суглинка перекрывался дерном.

В итоге исследовано 16 могил с западинами (M268–273, 275–282, 285, 286). В одной из них погребение не обнаружено. Найдены еще три могилы (M274, 283, 284), над которыми на современной поверхности западины не фиксировалось (рис. 4, 1). В одном погребении находилось первичное захоронение. В остальных 17 случаях совершены захоронения костей человека по вторичному обряду. Среди них отмечено залегание в одной из могил костей разных индивидуумов, а также одно ярусное погребение – на дне могилы и в воронковидной западине. Между могилами и в верхней части западин обнаружено большое количество зубов лошади, а на краю пяти могил встречены их нижние челюсти.

Весь погребальный инвентарь был преднамеренно испорчен (рис. 4, 2–6). Наблюдения за характером сожжения внутримогильных деревянных конструкций, отсутствие следов огня на преобладающем количестве антропологического материала и погребального инвентаря, могут свидетельствовать о том, что они сжигались сразу после их устройства в могиле, но до совершения похорон костей и вещей.

Анализ пяти радиоуглеродных дат показал, что исследованная группа погребений могла сформироваться в последней четверти VIII – первой половине IX в. Это соответствует раннему этапу формирования Троицкого могильника. После окончания работ была сформирована экспериментальная западина над одной из раскопанных могил. Наблюдения в течение 11 лет позволили установить степень изменений, происходящих с ней. Так, через пять лет (в 2012 г.) между засыпкой и стенкой могилы образовалась трещина, которая со временем наполнялась глинисто-песчаными отложениями. При раскопках она в виде вертикальной линии показывала границу могильной ямы, что часто бывает трудно установить из-за одинакового цвета грунта.

В настоящее время на этом могильнике собрана представительная коллекция неолитических артефактов. Но поселение Озеро Табор осиноозерской культуры, находившееся на юго-западной оконечности мыса, разрушено при совершении захоронений в раннем Средневековье.

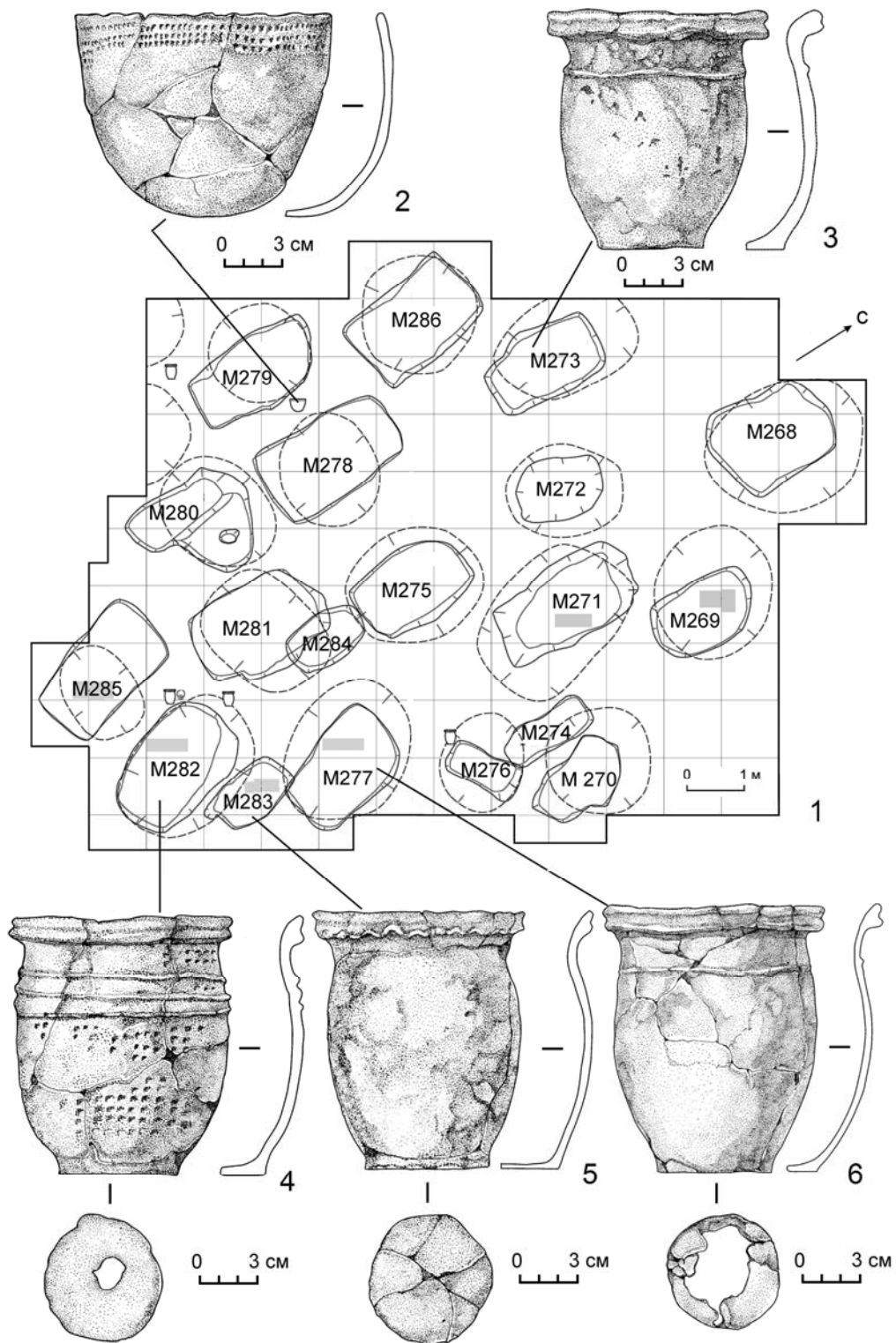

Рис. 4. План раскопанного в 2007 г. участка Троицкого могильника (1), сосуды из междумогильного пространства (2) и из могил (3–6)

Fig. 4. Plan for the Site of Troitsky Cemetery Excavated in 2007 (1), Vessels from between the Grave Space (2) and from Graves (3–6)

В 2008 г. международные исследования были продолжены на памятнике Озеро Долгое (см. рис. 1). Общая площадь раскопа составила 135 кв. м. Основу террасы слагали аллювиальные пески, перекрытые коричневой комковатой глиной. Выше слоя глины залегал слой серого суглинки, перекрытого гумусированным слоем древней поверхности. В раскопе в нем обнаружены следы заселения террасы в раннем неолите (новопетровская культура). В результате деятельности человека древняя поверхность (слой 3) оказалась засыпанной грунтом (слой 2), вынутым при копке котлованов.

Ранний этап заселения террасы маркируют немногочисленные каменные артефакты новопетровской культуры. Следующий период присутствия древнего населения связан с урильской культурой. Второй этап раннего железного века на поселении представлен артефактами талаканской культуры, которая в Западном Приамурье сформировалась на основе местного позднего урильского населения и пришлых прототалаканских племен, предположительно, из Забайкалья. На раскопанной части поселения встречено несколько фрагментов керамики польцевской культуры, которая сменила урильскую культуру в Восточном Приамурье. На территории Западного Приамурья памятников польцевской культуры пока не обнаружено.

Основная масса археологических находок и жилища принадлежат талаканской (жилище 31) и михайловской (жилище 32) культурам раннего средневековья. Культурная принадлежность конструкции 31а однозначно не определяется из-за отсутствия в ней артефактов.

Деревянных деталей жилища 31 не найдено. На его полу, кроме отдельных фрагментов сосудов, челюсти домашней свиньи в юго-восточном углу и очага в середине интерьера, иных находок нет. Ямок от подпорных столбов не отмечено (рис. 5, 1, 3).

На первом этапе строительства жилища 32 был открыт котлован квадратной формы (5,3 × 5,3 м) глубиной 60 см. В его юго-восточной стенке сделана врезка для входного тамбура. В середине котлована оставлена глиняная платформа для размещения очага, который имел деревянную обкладку. Его дно было покрыто берестяным экраном (рис. 5, 4, 5).

Для сооружения конструкции 31а по углам площадки были вбиты четыре бревна, на которые уложены горизонтальные плахи или жерди, образовавшие раму (2 × 0,65 ~ 0,95 м). Боковые стенки трапециевидного каркаса с верхней рамой-обвязкой покрывались вертикально поставленными листами бересты. На дно берестяного короба уложены короткие поперечные плашки, образовавшие решетку с зазором в 8–10 см. Короб имел крышку. Таким образом, берестяной короб представлял собой неглубокий погреб. Его дно находилось на глубине около метра от уровня погребенной дневной поверхности (рис. 5, 1, 2).

Раскопки на поселении Озеро Долгое дали важные научные результаты для понимания этнокультурной ситуации, сложившейся в Западном Приамурье в первой половине I тыс. н. э. Датировка жилищ 31 и 32 по ¹⁴C второй половиной III – IV в. показала синхронность их бытования. И только стратиграфические и планиграфические наблюдения позволили считать жилище 31 более ранним, чем жилище 32, в пределах переходного периода от талаканской культуры к михайловской, от раннего железного века к раннему средневековью.

Древние памятники на северо-восточном берегу оз. Осинового найдены в 1961 г. в 270–360 м от его юго-восточной оконечности. Здесь в 1965 г. исследовано одно средневековое жилище. По китайским монетам «кайюань тунбао» оно датировано серединой VIII в. [Дервянко, 1975. С. 40–46].

Остатки средневекового поселения в виде 21 западины расположены примерно в километре от юго-восточного берега озера. В 2003 г. на нем начаты раскопки жилища 3, которые по ряду причин были законсервированы и завершены только в 2012 г. В шурфе на берегу озера недалеко от этого жилища профессором Б. С. Сапуновым найдены костяные изделия: подвеска, орнаментированная трубочка, кочедык, палочки для еды [Древнее искусство Приамурья, 2019. С. 18–19].

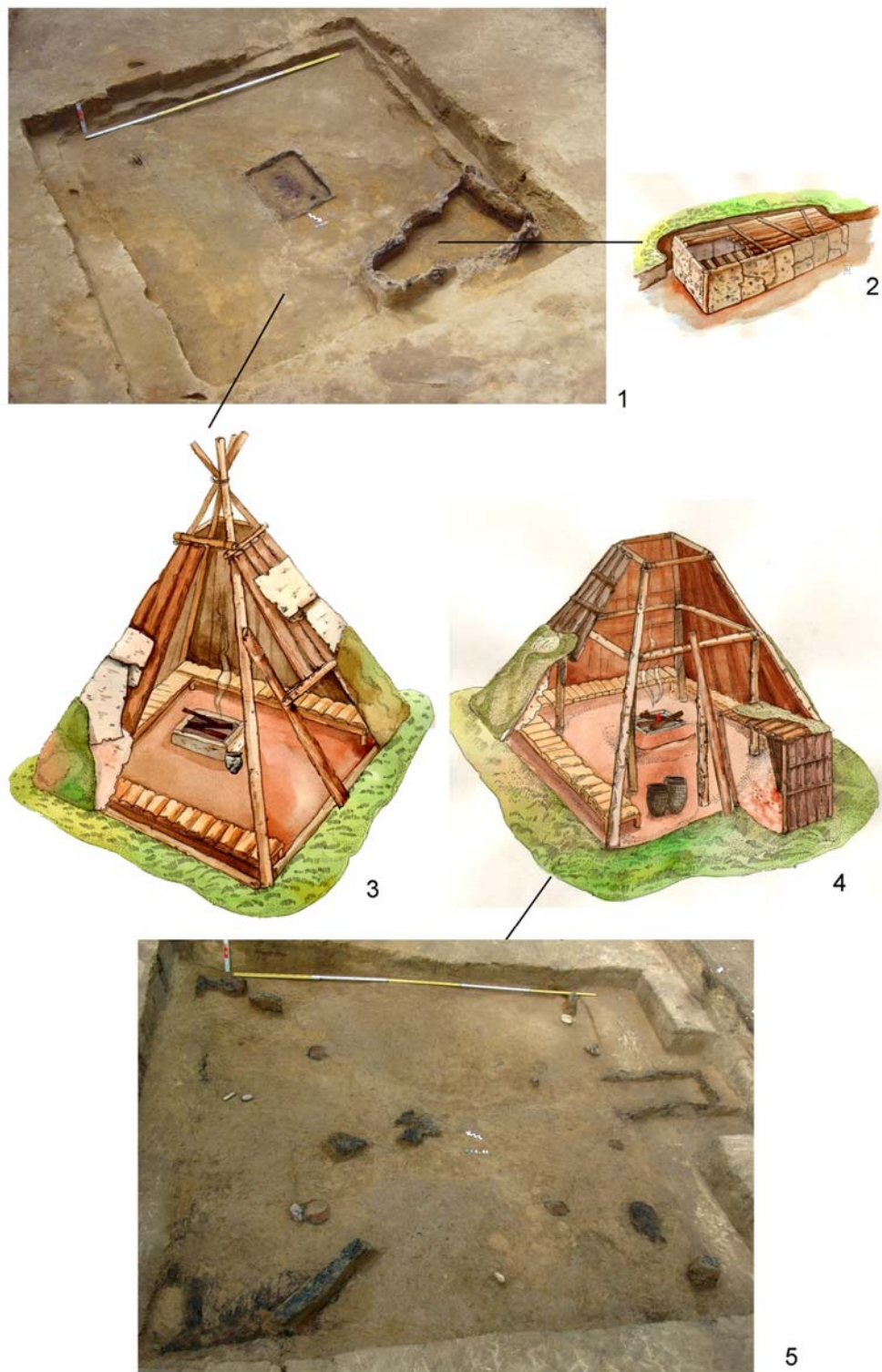

Рис. 5. Вид на остатки жилища 31, конструкции 31а с северо-востока (1) и жилища 32 с юго-запада (5) памятника Озеро Долгое; графическая реконструкция объекта 31а (2), жилищ 31 (3) и 32 (4) (1, 5 – фото)

Fig. 5. A View of the Remains of Dwellings 31, Structures 31a from the North-East (1) and Dwellings 32 from the south-West (5) of the Ozero Dolgoe Site; Graphic Reconstructions of the Structure 31a (2), Dwellings 31 (3) and 32 (4) (1, 5 – photo)

В 2009 г. для раскопок была выбрана западина 2, вокруг которой разбит раскоп размерами 10×15 м. Западина имела подквадратные очертания 7×7 м и глубину 80 см. На данной площади исследовано жилище 2 и пространство вокруг него. Размеры котлована, который ориентирован по сторонам света, на верхнем уровне составили примерно $5,6 \times 5,6$ м. В его пределах зачищены деревянные обугленные остатки жилища, основу которого составляла рама из четырех бревен. В середине располагался заглубленный в пол очаг подквадратной формы ($75\text{--}85 \times 75\text{--}80$ см) с деревянной обкладкой.

На полу жилища, покрытого суглинком и утрамбованного, найдены 7 нижних челюстей свиньи, которые лежали по периметру. Археологически целые лепные сосуды (всего 10) найдены в основном у северной, восточной и южной стенок жилища, а также в юго-восточном углу. Все они принадлежат к троичской группе керамики. В то же время рядом с лепным сосудом на полу лежали обломки посуды, изготовленной на гончарном круге. Круг использовался также для окончательной обработки большой лепной тарной емкости. Один сосуд имел миниатюрные размеры. Среди деревянных плах обнаружены пять бронзовых бляшек и два наконечника от подвесных ремешков пояса центрально-азиатского типа. Две бронзовые бляшки, похожие на стилизованные головы лосей анфас, найдены под западным бревном рамы-основы. Одно бронзовое ажурное украшение с необработанными краями встречено южнее жилища. Керамический тигель со следами воздействия высокой температуры и капельками металла белого цвета обнаружен в восточной части жилища недалеко от очага (рис. 6, 1).

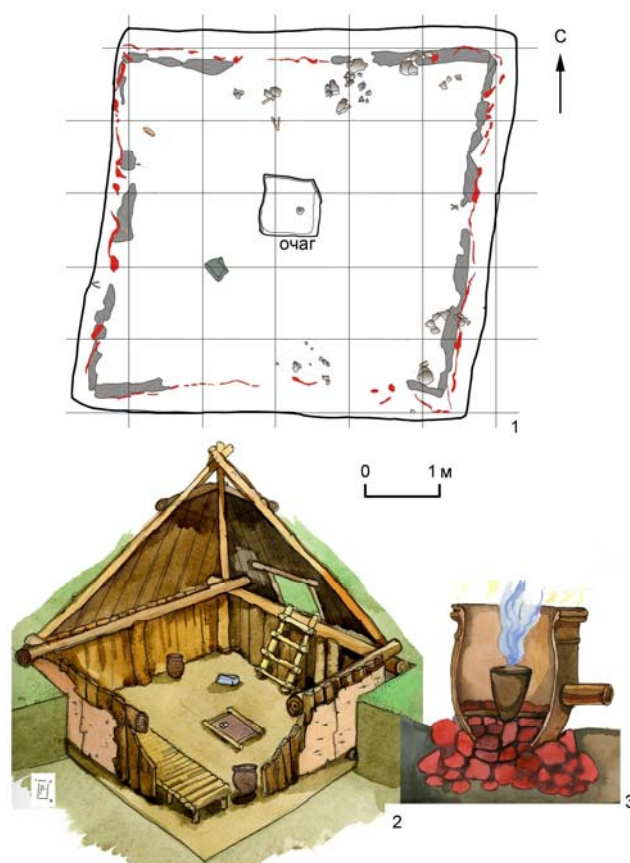

Рис. 6. План жилища 2 поселения Осинное Озеро (1), графическая реконструкция жилища (2) и сосуда-горна для плавки цветного металла (3)

Fig. 6. Plan of the Dwelling 2 Osinnoe Ozero Settlement (1), Graphic Reconstruction of the Dwelling (2) and of the Vessel-Furnace for Smelting Non-Ferrous Metal (3)

Особенностью материала, полученного при раскопках жилища 2, можно считать присутствие в погребенной почве и на полу жилища наряду с лепной керамикой троицкого типа фрагментов станковой и обработанной на круге посуды. Подобное сочетание в жилищах троицкой группы мохэ в Амурской области встречено впервые. Наличие сосуда-горна (рис. 6, 3), тигля и отлитой, но до конца не обработанной бляшки, а также разрозненных бляшек пояса тюркского типа, видимо, как сырья для переплавки бронзы, может свидетельствовать о том, что здесь жил человек, специализировавшийся на изготовлении украшений из цветных металлов (литейщик-ювелир). Основу хозяйства поселенцев, судя по найденным костям животных, составляло животноводство, преимущественно свиноводство.

Предметный комплекс и 8 радиоуглеродных дат позволяют отнести данное жилище троицкой группы мохэ к последней четверти VIII – IX в. Однако по конструкции жилище 2 принадлежит к домостроительной традиции населения михайловской культуры (бэй шивэй) (рис. 6, 2). Как было установлено, троицкая группа мохэ образовалась в результате слияния культуры пришлых сумо мохэ и местного населения бэй шивэй, носителей михайловской культуры [Болотин, 2010]. Именно данную ситуацию и демонстрируют материалы раскопок на памятнике Осинное Озеро и на Троицком могильнике.

Заключение

В результате пятилетних исследований российско-корейской экспедиции в Амурской области в первое десятилетие XXI в. были раскопаны новые участки исследованных во второй половине XX в. эпонимных памятников новопетровской и громатухинской культур, а также средневековья, которые стали опорными в изучении троицкой группы мохэ (Троицкий могильник, Осинное Озеро). В ходе работ на памятнике Новопетровка III найдено более 9 тыс. каменных артефактов и фрагментов керамики, а на Громатухе – около 11 тыс. предметов, взяты 22 образца угля, по одиннадцати из которых в лабораториях России, Японии и США получены радиоуглеродные даты. Общее число исследованных за 40 лет могил на Троицком могильнике в результате международных раскопок возросло с 211 до 286. В 2007 г. найдено 1 108 артефактов позднего неолита и раннего средневековья, из них в могилах обнаружено 769 предметов, остальные 343 происходят из междумогильного пространства. Новые материалы позволили уточнить представления о погребальном обряде у бохайских мохэ, получить новые данные по хронологии как отдельных могил, так и некрополя в целом. В ходе изучения особенностей конструкций жилищ мохэ на памятнике Осинное Озеро (с учетом накопленного опыта исследования остатков построек михайловской культуры) на раскопе 2009 г. выполнена реконструкция раннесредневекового жилища, проведен ряд экспериментов по способам его эксплуатации, ведется ежегодное наблюдение за интенсивностью разрушения объекта при отсутствии в нем обитателей (рис. 7) [Нестеров и др., 2014]. Для приамурской археологии новым памятником талаканской культуры раннего железного века, михайловской культуры раннего средневековья, а также троицкой группы мохэ стал объект на берегу оз. Долгого. Важным результатом работ является то, что удалось выйти на хронологический пласт III в. н. э., переходный между талаканской и михайловской культурами. Продолжение исследований в 2014 г., когда были раскопаны две глубокие западины, позволило говорить о том, что на территории поселения Озеро Долгое в VIII в., возможно, образовался могильник ранних бохайских сумо мохэ. Однако однозначно назначение объектов под глубокими западинами пока не определено. В них не найдены кости человека, чтобы уверенно классифицировать их как могилы мохэ. Радиоуглеродное датирование угля из одной из раскопанных ям отнесло ее создание к первой половине III – IV в. Установлено, что в VIII–IX вв. мохэ троицкой группы использовали эти западины для выброса отходов железоплавильного производства.

Рис. 7 (фото). Экспериментальное жилище (1–6) и его интерьер (7, 8) в разные годы после возведения: 1, 7 – лето 2013 г.; 2 – осень 2013 г.; 3 – зима 2014 г.; 4 – лето 2014 г.; 5, 6, 8 – лето 2018 г. (3, 4, 7 – по: [Нестеров и др., 2014])

Fig. 7 (photo). Experimental Dwelling (1–6) and Its Interior (7, 8) in Different Years after Construction: 1, 7 – summer, 2013; 2 – autumn, 2013; 3 – winter, 2014; 4 – summer, 2014; 5, 6, 8 – summer, 2018 (3, 4, 7 – [Nesterov et al., 2014])

Таким образом, международные археологические исследования в Амурской области в начале XXI столетия привели к интенсификации раскопочных работ, во время которых шла апробация российской и корейской методик раскопок памятников разного типа. Проявилась заинтересованность зарубежных коллег в решении проблем изучения заселения и этнокультурной истории населения Приамурья от раннего неолита до раннего средневековья в связи с древней историей населения Корейского полуострова.

Список литературы

- Алкин С. В., Фэн Эньсюэ.** Совместные российско-китайские исследования Троицкого могильника в Амурской области в 2004 г. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2006. Т. 5, № 4: Востоковедение. С. 132–134.
- Болотин Д. П.** Мохэские традиции в Западном Приамурье // Традиционная культура востока Азии. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2010. Вып. 6. С. 156–164.
- Деревянко А. П.** Новопетровская культура Среднего Амура. Новосибирск: Наука, 1970. 204 с.
- Деревянко Е. И.** Мохэские памятники на Среднем Амуре. Новосибирск: Наука, 1975. 250 с.
- Деревянко Е. И.** Троицкий могильник. Новосибирск: Наука, 1977. 224 с.
- Деревянко А. П., Деревянко Е. И., Нестеров С. П., Табарев А. В., Кадзунори Учида, Дай Куникита, Кацуки Морисаки, Хироюки Мацудзак** Новые радиоуглеродные даты гromатухинской культуры начального этапа неолита в Западном Приамурье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. № 4 (45). С. 3–12.
- Древнее искусство Приамурья. Благовещенск: Изд-во Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области, 2012. 32 с.
- Кузьмин Я. В., Нестеров С. П.** Хронология неолитических культур Западного Приамурья // Традиционная культура востока Азии. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2010. Вып. 6. С. 103–110.
- Нестеров С. П., Мыльников В. П., Волков Д. П., Наумченко Б. В.** Реконструкция-имитация раннесредневекового жилища в Западном Приамурье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 4 (60). С. 64–76.
- Окладников А. П., Деревянко А. П.** Громатухинская культура. Новосибирск: Наука, 1977. 288 с.

References

- Alkin S. V., Fen Enxue.** Sovmestnye rossiisko-kitaiskie issledovaniya Troitskogo mogil'nika v Amurskoi oblasti v 2004 g. [Joint Russian-Chinese Research of the Trinity Burial Ground in the Amur Region in 2004]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2006, vol. 5, no. 4: Oriental Studies, p. 132–134 (in Russ.)
- Bolotini D. P.** Mokheskie traditsii v Zapadnom Priamur'e [Mohe traditions in the West Amur Basin]. In: Traditsionnaya kul'tura vostoka Azii [Traditional Culture of East Asia]. Blagoveshchensk, AmSU Publ., 2008, iss. 6, p. 156–164. (in Russ.)
- Derevianko A. P.** Novopetrovskaya kul'tura Srednego Amura [The Novopetrovskaya Culture of the Middle Amur]. Novosibirsk, Nauka, 1970, 204 p. (in Russ.)
- Derevianko A. P., Derevianko E. I., Nesterov S. P., Tabarev A. V., Kadzunori Uchida, Dai Kunikita, Kazuki Morisaki, Hiroyuki Matsuzaki.** Novye radiouglerodnye daty gromatukhinskoi kul'tury nachal'nogo etapa neolita v Zapadnom Priamur'e [New Data on the Chronology of the Initial Neolithic Gromatukha Culture, Western Priamurye]. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2017, no. 4 (45), p. 3–12 (in Russ.)
- Derevianko E. I.** Mokheskie pamyatniki na Srednem Amure [Mohe Sites in the Middle Amur]. Novosibirsk, Nauka, 1975, 250 p. (in Russ.)

- Derevianko E. I.** Troitskii mogil'nik [Troitsky Burial Ground]. Novosibirsk, Nauka, 1977, 224 p. (in Russ.)
- Drevnee iskusstvo Priamur'ya [The Ancient Art of the Amur region]. Blagoveshchensk, Center for the Preservation of Historical and Cultural Heritage of the Amur Region, 2012, 32 p. (in Russ.)
- Kuzmin Ya. V., Nesterov S. P.** Khronologiya neoliticheskikh kul'tur Zapadnogo Priamur'ya [Chronology of the Neolithic Cultures of the Western Amur Region]. In: Traditsionnaya kul'tura vostoka Azii [Traditional Culture of East Asia]. Blagoveshchensk, AmSU Publ., 2010, iss. 6, p. 103–110 (in Russ.)
- Nesterov S. P., Mylnikov V. P., Volkov D. P., Naumchenko B. V.** Rekonstruktsiya-imitatsiya rannesrednevekovogo zhilishcha v Zapadnom Priamur'e [Imitation-Reconstruction of an Early Medieval Dwelling in the Western Amur Basin]. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2014, no 4 (60), p. 64–76 (in Russ.)
- Okladnikov A. P., Derevianko A. P.** Gromatukhinskaya kul'tura [The Gromatuhinskaya Culture]. Novosibirsk, Nauka, 1977, 288 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
12.03.2019

Сведения об авторе

Нестеров Сергей Павлович, доктор исторических наук, заведующий сектором бронзы и железа Отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
nesterov@archaeology.nsc.ru

Information about the Author

Sergey P. Nesterov, Doctor of Historical Sciences, Head of the Bronze and Iron Sector of the Paleometal Archaeology Department at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
nesterov@archaeology.nsc.ru